

При описании следователь должен использовать только общепринятые системы обозначений, избегать имеющих многозначный смысл. Для описания различных групп объектов необходимо использовать терминологию государственных стандартов, а также унифицированную техническую и технологическую терминологию.

Таким образом, успешность осмотра места происшествия во многом зависит от организаторской деятельности следователя. В заключение следует добавить, что психология осмотра места происшествия – это прежде всего психология мыслительной деятельности следователя, которая состоит в концептуальном охвате эмпирических данных, обнаруживаемых на месте происшествия, в их вычленении, анализе в качестве юридически значимых фактов, синтезе во взаимосвязанные системы и в конечном итоге в реконструкции расследуемого события по его отдельным проявлениям [2].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Психология отдельных следственных действий [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://yurpsy.com/files/ucheb/anton/18.htm>. – Дата доступа: 07.11.2022.

2. Психология основных элементов профессиональной деятельности сотрудника ОВД [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://yurpsy.com/files/ucheb/belor/022.htm>. – Дата доступа: 07.11.2022.

3. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г., № 295-З : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобрен Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 20.07.2022 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

[К содержанию](#)

УДК 340.115

Н. А. ПЕТРОВСКИЙ

Барановичи, БарГУ

МЕТОД АНАЛОГИИ В ТЕОРИИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА

В уголовно-процессуальном праве имеется известная пробельность, и, следовательно, необходимо уделять внимание вопросам восполнения пробелов с помощью использования метода аналогии в процессе правоприменения. Особая роль метода аналогии проявляется в уголовном

процессе на этапе правовой квалификации дела [1, с. 6]. Однако аналогию здесь следует рассматривать как средство познания права (конкретного правового явления), его норм, принципов, свойств, а также как метод исследования различных криминальных деяний. С этой точки зрения метод аналогии, как необходимое средство юридического мышления и обязательный элемент теории уголовно-процессуального права, объективен и не нуждается в детальном законодательном оформлении. Несмотря на кажущуюся схожесть метода аналогии с иными методами и институтами уголовного процесса, он имеет свою универсальную природу и присущие только ему средства познания (исследования) теории уголовно-процессуального права.

Методологические принципы правоприменения в сфере уголовного судопроизводства имеют свою специфику. Они выступают средством социальной ориентации при расследовании преступлений, помогают субъекту правоприменения правильно оценивать закон и применять его; стимулируют принятие субъектом правоприменения решений, наиболее оптимальных в складывающихся уголовно-процессуальных отношениях для установления объективной истины; являются философско-правовым и нравственным критерием допустимости тех или иных средств в сложных следственных, оперативно-розыскных ситуациях, особенно в тех случаях, когда они не регулируются законом; содействуют формированию профессионально-правовой культуры субъектов правоприменения в сфере уголовного судопроизводства.

Значительную сложность представляет природа пробельности в уголовно-процессуальном законодательстве. Следует отметить, что в законе урегулированы лишь отдельные аспекты процессуально-познавательной деятельности, значительная же ее часть не охватывается правовыми нормами. Следовательно, не на все вопросы, возникающие в процессе исследования уголовного дела, можно найти ответы в законе. Это требует выхода за пределы строгих нормативных предписаний и обращения к общетеоретическим, методологическим положениям, которые в совокупности с нормативными позволяют получить достаточно полную картину уголовно-процессуального познания [2].

Здесь следует выделить наиболее важные аспекты этого явления. Прежде всего, как уже говорилось, наличие пробелов связано как с неурегулированностью, так и с недостаточной урегулированностью отдельных вопросов социальной действительности. Часто это обусловлено неполным или неточным изложением воли законодателя в уголовно-процессуальных нормах, а также недостаточным использованием средств юридической техники. Примером пробельности в уголовно-процессуальной сфере является полное или частичное отсутствие у ряда субъектов уголовного

процесса прав и обязанностей, закрепленных в законе, неурегулированность порядка исчисления сроков следствия при объединении и выделении уголовных дел и др.

Следует отметить и то, что пробел не всегда является просчетом законодателя. Зачастую пробельность, которую принято называть «последующей», обусловлена появлением таких новых социальных отношений, которые хотя в целом правом охвачены, но в деталях (нюансах) законодателем не предусмотрены. Например, определенный рост организованной преступности в Российской Федерации и в Республике Беларусь выявил некоторую пробельность уголовно-процессуального законодательства в части регламентации вопросов расследования сложных уголовных дел, характеризующихся многоэпизодностью, значительным числом обвиняемых, распределением ролевых функций между членами преступной организации (группы) и др.

Для уголовно-процессуального права характерны оба названных вида пробельности. Помимо этого, следует учитывать, что все процессуальные отрасли права, в отличие от материальных, сталкиваются с более широким спектром разнообразных жизненных ситуаций. В силу этого при реализации правового регулирования объективно невозможно учесть все нюансы, особенности, которые могут возникнуть в том или ином конкретном случае.

В связи с этим, на наш взгляд, в уголовно-процессуальном праве, как и в другой процессуальной отрасли права, вопросам восполнения пробелов должно уделяться большое внимание. Причем восполнять их целесообразно не путем правотворчества, а посредством использования метода аналогии в процессе применения права. Это обусловлено тем, что метод аналогии выступает в качестве средства оперативного, хотя и разового преодоления пробела, превращая отрасль уголовно-процессуального права в динамичную, саморегулирующуюся систему. Иначе говоря, метод аналогии способен «сгладить» в том или ином конкретном случае просчеты законодателя, обеспечить эффективность действия правовых норм в соответствии с требованиями уголовно-процессуального права.

В данном случае важно напомнить, что мы понимаем под аналогией не разовое средство преодоления пробелов в праве, а прежде всего универсальный способ юридического мышления правоприменителя.

Следует констатировать, что в качестве наиболее распространенных действий в процессе преодоления пробелов в уголовно-процессуальном праве используется известный институт аналогии закона и аналогия права. При этом использование как метода аналогии, так и института аналогии в уголовно-процессуальном праве неоднозначно оценивается учеными. Такой метод имеет своих сторонников (Н. Н. Полянский, П. С. Элькинд,

М. С. Строгович и др.) и противников (В. И. Каминская, Т. Н. Добровольская и др.).

Значительно большее внимание в теории уголовного процесса уделяется исследованию вопросов применения аналогии закона. При этом аналогия как методологическая основа применения института аналогии при восполнении пробелов выступает как эвристическая функция в мыслительном процессе правоприменителя в ходе поиска им конкретных норм, регулирующих сходные процессуальные правоотношения. Правоприменитель в своих умозаключениях должен обнаружить существенные признаки (основания), предопределяющие возможность применения той или иной конкретной нормы с целью преодоления имеющегося пробела. Например, в ходе допроса свидетелей в возрасте до 14 лет, согласно ст. 191 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) и ст. 159 Уголовно-процессуального кодекса (далее – УПК) Республики Беларусь, присутствие педагога является обязательным. Однако подобное правило не распространяется на случаи, когда еще до возбуждения уголовного дела несовершеннолетний дает объяснения об обстоятельствах происшествия. В данном случае существенное сходство (однотипность) ситуаций предоставляет возможность практическим работникам, применяя аналогию, либо не приглашать, либо пригласить педагога в случаях получения объяснений от несовершеннолетних свидетелей.

В редчайших случаях применения аналогии права предусмотрена иная процедура. Здесь правоприменительный орган исходит из общих начал уголовно-процессуального законодательства. При этом решающее значение имеют принципы уголовного и уголовно-процессуального права. Отметим также, что далеко не все исследователи признают существование аналогии права в уголовно-процессуальной деятельности. По нашему мнению, такие выводы являются поспешными. Действительно, аналогия права в уголовном судопроизводстве используется крайне редко в сравнении с аналогией закона, однако как методологическая база юридического мышления она все же имеет право на существование.

Для иллюстрации этого рассмотрим следующую ситуацию. Русскоязычный гражданин Республики Беларусь Петров, обвиняемый в совершении должностного преступления, используя свое право, заявил суду ходатайство с просьбой вызвать переводчика, указав, что почти все свидетели по делу являются белорусами, а он белорусский язык плохо понимает. Действительно, согласно ст. 17 УПК Республики Беларусь (аналогично ч. 2 ст. 18 УПК РФ) переводчик может быть предоставлен любому участвующему в деле лицу, не владеющему языком, на котором ведется судопроизводство.

Таким образом, в случае если судопроизводство осуществляется на русском языке, которым подсудимый владеет, буквальное толкование данной правовой нормы позволяет сделать вывод о том, что у суда нет обязанности предоставлять Петрову переводчика. Невозможно в этом случае применить и аналогию права в силу того, что в законодательстве отсутствует норма права, регулирующая подобную ситуацию. Вместе с тем по смыслу закона, вытекающему из принципа уголовного судопроизводства, переводчик может быть предоставлен участнику процесса для того, чтобы он мог лучше ориентироваться в судебном разбирательстве, выбрать для себя оптимальную модель поведения. Следовательно, исходя из принципа справедливости ведения судебного процесса, целесообразность предоставления подсудимому переводчика очевидна. Умелое использование правоприменителем аналогии права способствует разрешению рассматриваемой ситуации.

Следует иметь в виду, что использование метода аналогии в уголовно-процессуальном праве не выражается во внесении в нормативное содержание правовой системы каких-либо новых элементов, которые восполняли бы или изменяли саму нормативную основу регулирования. Оно целиком замкнуто на интеллектуальном процессуальном решении конкретной ситуации и не выходит за рамки того, что образует применение права.

Это также позволяет сохранить целостность, единство, устойчивость нормативно-правовой системы общественного регулирования.

Деятельность компетентных лиц, уполномоченных применять право, выражается в правоприменительных актах, т. е. в промежуточных или завершающих юридических действиях уполномоченного на то органа (лица), порождающих те или иные юридические последствия в процессе правоприменения. Причем наиболее часто данную форму реализации норм уголовно-процессуального права осуществляют именно специально уполномоченные на то органы государства, должностные лица (следователь, орган дознания, прокурор, суд). Остальные участники уголовного судопроизводства (обвиняемый, потерпевший, гражданский истец и др.), ставя вопросы о необходимости правоприменения, исполняя, соблюдая и используя нормы права, оказывают лишь вспомогательное воздействие в правоприменении.

В целом уголовно-процессуальная правоприменительная деятельность представляет собой систему действий, но данная система достаточно неоднородна. В процессе расследования и разрешения уголовного дела следователь, орган дознания, прокурор, суд осуществляют очень широкий спектр деятельности. Условно ее можно подразделить на непроцессуальную (связанную с решением организационных вопросов) и процессуальную (выражающуюся непосредственно в применении уголовно-процессуальных норм).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кадников, Н. Г. Квалификация преступлений и вопросы судебного толкования: теория и практика : учеб. пособие / Н. Г. Кадников. – М. : Норма, 2003. – 142 с.

2. Давлетов, А. А. Системность теории уголовно-процессуального познания / А. А. Давлетов // Правоведение. – 1991. – № 6. – С. 87–93.

[К содержанию](#)

УДК 343.1

Е. Н. ШЕПЕЛЕВИЧ

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – Е. В. Романюк, магистр юрид. наук,
старший преподаватель

ФОРМЫ ОБРАЩЕНИЯ К СУДУ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

Суд – это орган судебной ветви власти, который имеет исключительную компетенцию в отправлении правосудия. Судебная ветвь власти в большинстве демократических стран является самой независимой, так как основными принципами уголовного судопроизводства являются беспристрастность судей, объективность и подчинение при принятии решений только закону.

Общие положения о судебной системе каждой страны, включая и Республику Беларусь, закреплены как в главном законе государства, Конституции, так и в иных нормативно-правовых актах, а в отдельных случаях и странах в форме прецедента. Законодательство разных стран в большинстве случаев имеет схожие положения, задачи и принципы, такие, например, как принцип законности и отправления правосудия только судом. Однако при этом же существует и множество отличий, свойственных конкретным странам и их правовым системам.

В каждой стране исторически складывалось свое собственное судебное законодательство, которое выражается не только в правах и обязанностях судей во время процесса, но и в его моральных и этических правилах. Как и судья, так и участники процесса должны соблюдать формальные правила приличия и не выражать неуважение как к судье, так и к самой системе правосудия. Именно по этой причине само непосредственное обращение к суду или судье является, несомненно, важным аспектом, определяющим последующее судебное заседание и отношение к нему